

ГЕННАДИЙ ТАБАКОВ

На виражах жизни

Геннадий Александрович Табаков

На выражах жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273007

ISBN 9785447496630

Аннотация

«Жизнь – не только то, что человек прожил, но и то, что он помнит, и то, что об этом рассказывает» Габриэль Гарсиа Маркес.

Содержание

От автора	5
Глава 1: Яркие эпизоды детства	11
Конец ознакомительного фрагмента.	59

На выражах жизни
Геннадий
Александрович Табаков

© Геннадий Александрович Табаков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Размышляя о прожитых годах, отметив в феврале 2012 года своё 64-летие, я вплотную подошёл к невидимому рубежу, которым всегда была для меня смерть отца, умершего в 1970 году от лучевой болезни (лейкоз) в таком же возрасте. В марте этого же года, после двадцатилетнего отсутствия, я приехал в село Александровское на Северном Кавказе, где покоится мой отец и посетил кладбище с его могилой.

Вся жизнь, как в компьютере, пролетела в моих мыслях, пока я стоял над могилой отца. Когда его хоронили, я был молодым лейтенантом, а сейчас, почти через сорок два года, стоял седым отставным полковником, дедом, имеющим двух внучек, но ещё полным неугасимой энергии и жизненных сил, которые я сохранил в результате преждевременного увольнения из Вооружённых Сил по сокращению штатов

после разрушения СССР. Только теперь я отчётливо понял, как рано ушёл отец из жизни. Чего он достиг при жизни? Что оставил после себя?

Я вспоминал трудную судьбу отца и не мог найти праздных дней в его жизни, всегда он был погружен в работу или какое-нибудь своё дело, всегда шёл помогать людям, оказывал ветеринарную помощь их питомцам – животным.

Главное его богатство в жизни – вырастил и воспитал восьмерых детей, дав им дорогу в большую жизнь, и оставил о себе добрую память среди людей. Ради этого стоило жить!

Как-то сам по себе разрешился вопрос о смысле дальнейшей моей жизни – надо просто жить ради людей, окружающих тебя, помогать им не только делом, но и добрым словом-лекарством, которого в нашей жизни так не хватает и его не найдёшь ни в одной из многочисленных аптек.

Ранее я не писал книг, хотя по долгу службы исписал горы бумаг для многочисленных планов, докладов, донесений, отчётов и других документов, так отягощающих службу каждого военного человека и навсегда отбивающих охоту к любому бумаготворчеству.

С возрастом все чаще стал задумываться, а что я оставлю детям и внукам после себя, как они узнают о нашей жизни, радостях и заботах, трудностях и успехах, о мыслях и сомнениях, мечтах и планах – ведь общаясь с ними, мы обычно не касаемся этих вопросов.

С другой стороны, я не совершил ничего выдающегося и героического, не достиг генеральских высот, чтобы писать мемуары и делиться боевым опытом. Учился почти всю сознательную жизнь, кроме школы окончил Благовещенское Высшее Танковое Командное Училище, а потом заочно Усть-Каменногорский Педагогический Институт и Военно-Политическую Академию имени В. И. Ленина, курсы Выстрел для руководящего командно-политического состава Вооружённых Сил.

Службу проходил как на командных, так и на политических должностях, достигнув должности Начальника Политотдела 153 Мотострелковой Дивизии, дислоцирующейся в Литве, недалеко от Вильнюса.

Вот бы когда применить полученные знания на практике и совершить рост в карьере, но в стране под видом перестройки на наших глазах и с молчаливым согласием всех, как я считаю, произошёл государственный переворот, приведший к развалу СССР.

Я был в то время членом Центрального Комитета Коммунистической Партии Литвы под руководством М. Бурокавичюса и оказался на острие событий, происходящих в Литве по сохранению Союза. Не секрет, что Литва была тогда испытательным полигоном для высшего руководства в лице М. Горбачёва и Б. Ельцина. В результате референдума, проведённого в Литве, большинство жителей высказалось за сохранение СССР, но на волю народа просто напле-

вали и не без участия этих лидеров.

Позднее, после отделения Литвы, ликвидации Северо-Западной Группы войск и проведённого расформирования частей я по сокращению штатов был уволен в запас. Остро встал передо мной вопрос: – Что делать дальше?

Большинство членов ЦК подверглись арестам и репрессиям, меня не тронули, как военного другого государства, но на мою жизнь покушались. Досрочно прекратили мою депутатскую деятельность, хотя закона об отзыве депутата ещё не было, а на вновь назначенные в моем округе выборы большинство избирателей просто не пошло, так и не выбрав нового депутата. Спокойной жизни не было, в квартире проводились ночные обыски, и мне пришлось вместе с семьёй переехать в Россию, начать новую жизнь уже в качестве пенсионера МО.

Обдумывая прошедшие события, я виню, прежде всего, и себя, что вовремя не понял, как и большинство людей, настоящего смысла перестройки, руководил и призывал их к быстрейшим переменам в жизни партии и народа, не ведая, что прокладываем тем – самым дорогу для дикого капитализма.

Я могу в мыслях согласиться с демократизацией и введением частной собственности, в своё время Ленин включил это в свой план строительства социализма, но с разрушением Великой Страны, которую потом и кровью создавали наши предки, до сих пор примириться не могу. Предательство

и обман руководства партии ввело тогда меня в сильную депрессию, и я полностью ушёл из политической жизни, потеряв веру во все, что нам говорили. Долго думал, где с наибольшей пользой применить свои знания и навыки. Более года занимался бизнесом, но мне это было не по душе, а на кого-то работать не захотел. Впоследствии купил домик в деревне и стал заниматься пчеловодством, садом и огородом, не забывая о любимой рыбалке и охоте.

Все это со временем сгладило душевные раны и сохранило мне здоровье, и я решил описать свой жизненный путь для своих внуков, родных и друзей, не претендуя на широкий круг читателей, а если будут таковы – пусть простят они меня за некоторые неуклюжие предложения и слова, а может быть и ошибки.

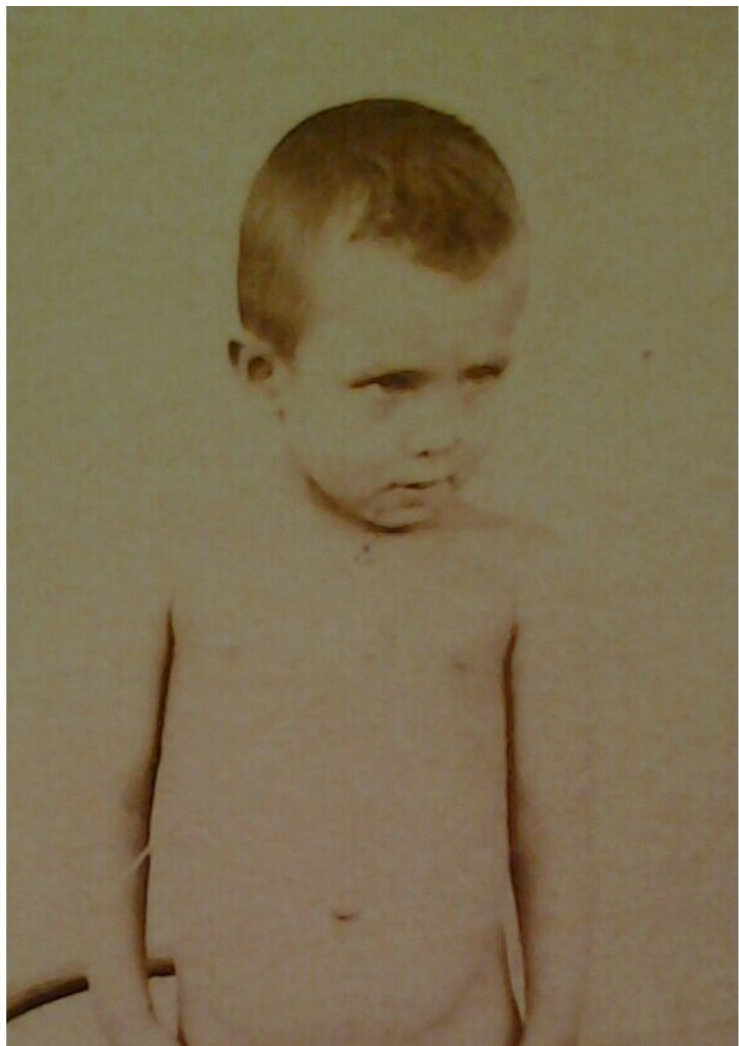
Буду счастлив если молодёжь узнает что-то новое для себя или просто узнает, как мы жили, о чём мечтали и думали, как достигали задуманное, а пожилой читатель ещё раз мысленно вернётся в годы молодости.

С большой признательностью отнесусь к тем, кто поправит меня в моих взглядах и суждениях или примет участие в обсуждении и оценке прочитанного ниже.

Глава 1: Яркие эпизоды детства

Своей малой Родиной считаю Восточный Казахстан, где я родился 1 февраля 1948 года в большом селе, районного значения, под названием Катон-Карагай, которое затерялось в высоких горах Южного Алтая, у самой границы с Китаем.

Жизнь там помню смутно, почему-то в память врезался старый деревянный дом, почерневший от времени, обнесённый забором из длинных жердей, на который я, постоянно залезал, обзревая окрестности.

Мне три года... 1951 г. Шемонаиха

Улицу, заросшую мягкой зелёной травой, по которой с гор течёт быстрый, прозрачный ручей, таких ручьёв в селе протекало несколько, в них, мои старшие братья, ловили «хариузов», так там называли рыбу хариус, не подозревая, что на всю жизнь заражают меня вирусом рыбака, который не даёт мне покоя, и по сей день.

Моя мама Мария Семёновна Табакова (Петухова)

Родился я, в многодетной семье, восьмым – «последышем», «в рубашке» и с двумя вихрами, как говорила мама: Пчеловодом будешь! Ждёт тебя в жизни счастье!

И вот, во второй половине моей жизни, я часто задумываюсь о прожитом, как она была права, но об этом позднее. Мама, в девичестве Петухова Мария Семёновна (родилась 14 апреля 1907 года) в эти годы была ещё молодой, энергичной и красивой женщиной.

Её энергии и любви хватало не только для своих родных и детей, но и для всех животных в округе – она была, как и мой отец, ветеринаром.

Сколько её помню, всегда, днём или ночью, её вызывали, обеспокоенные болезнями своих питомцев, люди и она, безропотно, спешила на помощь к ним.

Отец её, мой дед, Семён Петухов и бабушка Акулина Ивановна, жили дружно и имели четырнадцать детей. Дед, седобородый крепыш, целыми днями работал в своей мастерской по изготовлению пимов, так называли валенки.

Несмотря на то, что у него были покалечены пальцы на руке во время Русско-Японской войны, в результате попадания пули из пулемёта Шимоза, валенки валял добротные и знатные по всей округе, в том числе и детские.

Их он делал с любовью и вручал нам каждый год, как награду, за ту детскую привязанность, которую мы испытыва-

ли к нему. Дед был потомственным казаком, подхорунжим Западно-Сибирского казачьего Войска, после ранения служил толмачом (переводчиком) при Атамане. Он знал четыре языка: китайский, казахский, уйгурский и киргизский.

Мой дед по матери Семён Петухов... январь 1917 г. (первый слева)

Бабушка служила горничной в одном из знатных домов г. Барнаула, где постигла все премудрости этикета и кули-

нарного мастерства, которые передала моей матери. В доме у нас, несмотря на тесноту, всегда было уютно, чисто и пахло вкусными пирогами.

Бабушка Акулина была ещё и хорошей портнихой, шила одежду не только для семьи, но и для всех желающих. Мама, переняв это, впоследствии часто поздними вечерами «стрекотала» швейной машинкой «Зингер», доставшейся ей в наследство, обшивая быстро растущих детей.

Меня всегда тянуло покрутить эту машинку, но мама не разрешала, очень берегла, так как это была единственная техника в доме. Да, висел на стене ещё большой чёрный громкоговоритель, который большую часть времени молчал, а работал когда передавались важные сообщения. Так из него впервые мы узнали о смерти Сталина.

Отец, Александр Гаврилович Табаков, родился 4 марта 1906 года, в селе Солоновка, Больше-Нарымского района, Восточно-Казахстанской области, рано лишился отца и рос сиротой. Отчим, заменивший ему отца, был крепким на руку и часто воспитывал всех кулаком или тем, что попадёт ему на глаза. Он был хорошим сапожником, и все время проводил в мастерской, заставляя работать и отца, обучая его своему мастерству. В роли подмастерья прошло все детство отца, как будто образ Ваньки Жукова был скопирован с него. Впоследствии отец часто использовал эти навыки, и мы видели его, сидящим за сапожным столиком и шьющим очередные хромовые сапоги на спиртовой подошве. Мать его,

моя бабушка, Анна Андреевна, была крепкой и тучной женщиной, пережила своих мужей и умерла за сто с лишним лет, за год до смерти отца. Никто не знал точно, сколько длился этот «лишок», так как у неё не было паспорта. Она в молодости держала большое хозяйство: большую пасеку пчёл, стадо коров и лошадей. Работали всей семьёй, работников не брали, несмотря на это, после революции, были раскулачены, оставлено им было несколько ульев с пчёлами и корова. Про свою семью отец никогда не рассказывал, а меня в то время эти вопросы не интересовали. Помню из рассказов матери, что у него был старший брат Иван и сестра по отчиму – Ольга, которая однажды приезжала к нам в гости со своей дочерью. Они проживали тогда в селе Солоновка, Больше-Нарымского района.

В молодости отец служил в казачьем кавалерийском полку, очень хорошо джигитовал, так как с детства любил лошадей, гонял их верхом на пастбище и водопой, участвовал в конноспортивных соревнованиях, проводимых в селе по праздникам, получая иногда призы.

Мой отец Александр Гаврилович Табаков во время службы...

Это повлияло на его дальнейшую судьбу, как грамотного красноармейца, а он имел 4 класса образования, его направили учиться в Проскуровскую кавалерийскую школу (на правах военного училища), которую он закончил, получив профессию «Военный ветеринарный фельдшер» и офицерское звание.

Но судьба его резко повернулась, по решению партии, стал одним из 25 тысяч коммунистов, направленных в сельские районы проводить коллективизацию, а создав колхоз, до начала Великой Отечественной войны руководил им.

На фронт пошёл сразу, но судьба опять вмешалась в его

жизнь, через некоторое время, не доехав до передовой, был возвращён с белым билетом – тылу требовались ветеринары.

Дома его, в то время, редко видели – был в постоянных командировках, обслуживать приходилось два района, стране требовалось много мяса, а для этого надо было много здорового скота.

Так, ветеринаром он проработал всю дальнейшую жизнь, не забывая и о домашнем хозяйстве, в котором были пчелы, сад, огород, корова, кролики и птица.

Меня удивляло его трудолюбие, после трудового дня до глубокой ночи всегда что-то делал: шил сапоги, подшивал валенки, ремонтировал многочисленную обувь, плотничал, да ещё находил время прочитать газету Правда.

Все это происходило в г. Шемонаиха, куда мы переехали в 1951 году из-за болезни сердца мамы, высокогорный климат ей был противопоказан. Этот первый переезд отчётливо запечатлелся в моей памяти, хоть и было мне чуть более трёх лет.

Так было много нового в пути: высокие горы со снеговыми шапками, бурные пенистые реки с блестящими валунами среди воды, высокие жердевые заборы, окружающие непомерно длинные загоны в тайге для редких в природе оленей – маралов, кучи рогов, которых, лежали на домах (мазанках) с плоскими крышами в редких деревушках с казахским населением.

Большое впечатление произвели реки Бухтарма и Иртыш.

В последующем, закончив 8-ой класс, я с группой одноклассников, участвовал в туристическом походе на Рахмановские ключи.

В то время это был малоизвестный курорт из-за труднодоступности, находившийся на берегу очень холодного и глубокого вулканического озера, окружённого высокими горами, покрытыми кедром.

Странно, прямо у озера, на берегу вытекающей из него речки с ледяной водой, бьют из-под земли горячие источники, насыщенные газом Радон, очень помогающим лечить ревматизм.

Два дня пути пешком от деревни Урыль, вдоль рек Бухтармы и Берель, постоянно поднимаясь в гору с рюкзаком за плечами, под дождём – вот, что ждало нас впереди.

По прибытию мы, как награду, восприняли то блаженство, которое наступило после погружения в горячую воду источников, которая бурлит, как кипяток в деревянных срубах ванн и выталкивает тело на поверхность.

После купания усталость моментально исчезает. В наши дни добраться в это место можно транспортом, но я не жалею о пройденном маршруте.

Большое впечатление у меня осталось от рыбалок, которые проходили на привалах. Рыбу ловил на искусственные мушки, заблаговременно, сделанные, по совету старших братьев, из пера рыжего петуха, пойманного во дворе дома, где мы ночевали, за что чуть не поплатился изгнанием из отряда,

хозяйка подумала, что петуха ловлю на суп и подняла шум.

Рыбалку на Бухтарме нельзя забыть: прямо из, пенящейся, воды выпрыгивают, за летающими насекомыми, хариусы. Ловил с больших камней, мушка не успевала коснуться воды, как наиболее шустрые рыбки хватали её, но они были небольших размеров и это быстро надоедало.

Другое дело рыбачить у берега, где в маленьких заводях, под крутящейся листвой, прятались крупные хариусы, которые жадно хватали наживку, после подсечки, резко уходили в глубину, вываживать их из воды приходилось с большим трудом.

Ах, какая это сильная и красивая рыба! А какая вкусная уха из неё получалась, к большому удовольствию проголодавшихся ребят, кажется вкуснее ничего не ели.

Вот из таких прекрасных мест увезли меня в незнакомый город, со странным названием Шемонаиха, где прошло основное детство. Расположен он на границе горной и степной местности на берегу быстрой реки Убы, притока Иртыша.

Марьин Утёс в дни моего детства... Шемонаиха

С одной стороны реки высится гора Мохнатуха, а с другой стоит Марьин Утёс, названный так в книге «Тени исчезают в полдень» известным писателем Анатолием. Ивановым, жившим в этом городе.

Под утёсом, большим эллипсом, растянулось озеро с чистой водой, покрытой круглыми листьями кувшинок. В то время моста через реку не было, его роль выполнял паром, со скрипом скользящий по тросу от одного берега – к другому.

Я часто, со старшими братьями, переправлялся на другой берег, чтобы сходить на это озеро искупаться, вода в нем

прогревалась быстрее, чем в реке.

Там же ловили рыбу, в основном клевал крупный окунь, иногда линь, много было щуки, но эта рыба была не для наших удилищ, сделанных из тонкого ивняка. Позднее, когда построили через реку мост, у озера создали зону отдыха, и рыбы стало меньше.

Весной река, всегда, разливалась, затапливая прибрежные луга, и уносила с собой все, что попадалось на её пути, а летом, местами, тихо, а на перекатах – стремительно, несла прозрачную и тёплую воду в холодный Иртыш.

Рыбы в реке было много, сразу, после ледохода, начинал клевать налим, которого ловили на крупного червя, донки ставились на ночь, а утром мы бежали проверять их.

Незабываемое чувство гордости наполняло меня, когда возвращаясь, домой, нёс на кукане тяжёлых и блестящих налимов, знал, что мама похвалит меня и приготовит из рыбы вкуснейший пирог.

Наша семья (Люда, Гена, Саша, Юра, Володя, Мама, Виктор), 1952 г.

Семья была большая, поэтому пирог она делала на весь противень, еле входивший в Русскую печь, начинкой было мясо рыбы, искусно отделённое от костей, картофель, лук и специи. Особенно вкусные пироги получались из мяса Нельмы – редкой рыбы, заходившей в Убу из Иртыша. Её ловили братья во время большой воды.

Дом в Шемонаихе был глинобитный, сделанный из смеси глины с соломой. Крыша также была покрыта соломой,

а позднее крышу покрыли шифером и в доме был сделан ремонт и перепланировка.

Ремонт в основном состоял из того, что стены обрубались топором, выравнивались, штукатурились глиной и белились известью, сделанная перегородка добавила третью комнату, для бабушки Анны (Нюры), матери отца.

Он её привёз со своего родного села Солоновки на грузовом такси, вместе со всем её имуществом: сундуком с одеждой, пятью ульями с пчёлами и бадьёй мёда, чему я особо был рад.

Бабушке было тогда уже около ста лет, была она крепкой и здоровой, со своими, почти полностью сохранёнными зубами. Очень была молчалива, почти всегда сидела в своей комнатке и выходила оттуда только тогда, когда все уходили из дома по своим делам.

Лично я её даже побаивался, любой шум её раздражал, и я старался быстрее убежать на улицу. Так мы сосуществовали с ней многие годы, пока не заболел белокровием отец.

Тогда мы не знали причину его болезни, но позднее Шемонаиху официально стали считать зоной радиоактивного заражения от проведённых ядерных испытаний, вводя полагающиеся льготы. Много взрослых и детей болели от облучения.

Отец долго лечился в больницах, ездил на курорты Кавказских Минеральных Вод, а потом решил переехать всей семьёй на Северный Кавказ.

Но это случится позднее, когда закончится моё босоногое детство, а пока я наслаждался жизнью и бегал босиком по сопкам и полям, не подозревая, что кругом лежат в земле несметные природные богатства.

Приехав в Шемонаиху в 1970 году, я не узнал её окрестностей. Кругом были открыты рудники, в которых добывались редкие полиметаллические и урановые руды, а также золото. А на другом берегу Убы была построена обогатительная фабрика. Город жить богаче от этого не стал, но экология сильно нарушилась на долгие годы.

Рыбалка стала неотъемлемой частью моей жизни. Каждое лето, с появлением первой травы, ранним утром сначала с братьями, а потом, став школьником – один, выгонял нашу кормилицу корову, по кличке Зорька на улицу, где ко мне присоединялись соседские мальчишки: Петька Устюжанин и Генка Сайбель, со своими коровами и мы бежали, не поспевая за спешащей на пастбище голодной скотиной.

Пасли на лугах в пойме двух речек: Поперечка и Шемонаиха. Там они сливались в одну реку, которая тихо и медленно, петляя между обрывов, текла через город в реку Убу.

Весь день был занят рыбалкой, самодельные удочки всегда были с нами или прятались на берегу, купанием «голяком», приготовлением на костре пойманной рыбы.

Рыба была мелкая: авдотка, пескарь, гольян, а пойманный крупный чебак или окунь приносил такую радость, о которой мечтает каждый рыболов. Жарили её, как шашлык, на пру-

тиках, прямо над огнём и она получалась чёрной и скрюченной, как шелуха от фасоли, но нам казалось вкусной, потому что были голодными, а краюха хлеба, бутылка молока и несколько картофелин, взятых с собой, съедались в один присест ещё в первой половине дня.

Весь этот рацион дополнялся различными съедобными травами, кореньями, ягодами, всем тем, что появлялось и росло вместе с быстро наступающим летом, этому быстро учились у старших ребят.

Не забывали о коровах, вернее они не давали забывать о себе, постоянно пытаясь куда-то убежать от кусающих оводов или в поисках свежей травы.

Успевали играть в войну, строить шалаши, рыть пещеры в обрывах, рискуя быть заваленными, ловить в капканы многочисленных сусликов, шкурки которых сотнями отдавали старьёвщикам за крючки, леску, глиняные свистульки.

Каждый день был насыщен событиями так, что к вечеру мы еле плелись, вслед за тяжело идущими сытыми коровами, по дороге к дому, чтобы выспаться и утром начать все сначала.

Так продолжалось все лето, только школа возвращала меня в размеренную городскую жизнь.

Учиться пошёл в семилетнем возрасте сам, взял документы и принёс в ближайшую школу, родители были постоянно на работе. Учился легко, быстро выполнял письменные задания, в остальном полагался на память, и бежал кормить

ненасытных кроликов, куриц и голубей.

К голубям в нашей семье было особое отношение, завёл их самый старший брат Михаил, успевший в самом конце войны попасть на фронт, а после войны ещё около семи лет воевал с «бандеровцами» на Западной Украине и только после ранения от разрыва, брошенной ночью в дом гранаты, был демобилизован.

Он работал машинистом паровоза и после одной из поездок привёз пару породистых голубей, голуби размножились и старшие братья, взрослея, передавали право ими распоряжаться младшим.

Мой брат Михаил Табаков на фронте... (в центре)

После Михаила голубятниками были Юра, Володя, Саша, а в завершение я, только Виктор избежал этой участи – учился в военном училище, а потом, став офицером, уехал служить в далёкий гарнизон.

Родители сначала косо смотрели на голубей, называя их бесполезной птицей и ворчали, увидев как зерно, предназначенное для куриц, быстро исчезает из ларя, но крутых мер к нам не принимали, тем самым давая молчаливое согласие на мирное сосуществование с этими красивыми птицами.

Голуби были только породистые: вертуны, «хвостачи», дутыши, бабочки, почтовые, а долбаков (дикарей) мы не держали. С замиранием сердца смотрел всегда на вертящихся высоко в небе голубей.

Я мог сразу определить прибывшего к стае чужака и по полёту, какой он породы, а если это был породистый, то сразу возникало азартное чувство охотника, и принимался комплекс мер, понятный только голубятникам, по осадке, прикормке и ловле гостя, связыванию крыла, чтобы не улетел и привык новому дому.

Голубей было около сотни, занимали почти весь чердак, но у голубятников слова много не бывает, поэтому их обменивали на других, продавали и покупали, а они возвращались или улетали к хозяевам.

Мои голуби почти всегда возвращались, был случай: детдомовские ребята, как-то ночью, подперев дверь в дом, укра-

ли много голубей, в том числе самых любимых, это для меня было большим потрясением, что не скрывал слез, но все обошлось хорошо – все голуби через некоторое время прилетели домой.

Ребята потом шутили, что ко мне даже яйца голубей прикатятся назад и отказывались покупать взрослых птиц, брали только молодых (пискунов).

У меня тогда самой заветной мечтой было быстрее повзрослеть и построить на высоких столбах голубятню, держать там самых лучших голубей.

К сожалению во взрослой жизни эта мечта так и не нашла место, потому, что другая мечта стать офицером, которая раньше, смутно тлеющая где-то внутри меня, как и у всех мальчишек тогда после просмотров многочисленных кинофильмов о войне, вдруг стала нетерпимо желанной.

Мой брат Виктор после окончания училища...

Это произошло после приезда в свой первый курсантский

отпуск старшего брата Виктора (1934 г.р.), который приехал в красивой военной форме, да ещё привёз телеграфный ключ, учился он в Кемеровском военном училище связи, которым постоянно стучал, закрепляя знания азбуки Морзе, вызывая искреннюю зависть у меня и всех соседских мальчишек.

Тогда я многое узнал об армии из рассказов брата, впервые услышал о проведённом взрыве атомной бомбы в районе Семипалатинска, который был всего в сотне километров от нас. Последствия ядерного взрыва потом скажутся и на нашей семье.

Помню всегда с чувством вины один нелепый случай, чуть не закончившийся трагически. У меня произошла ссора со старшим братом Сашей, который ударил меня, зная, что возмездие будет неотвратимым, он стал убежать, а я схватил камень и с опережением, как артиллерист с закрытых огневых позиций, бросил его через крышу и тревожно почувствовал, что попал в цель.

Прибежав посмотреть, с огорчением увидел другого брата – Виктора, державшегося за окровавленную голову, который начищал до этого сапоги, собираясь идти на танцы.

Так весь отпуск ходил он с перевязанной головой, а оставшийся шрам на лбу у левого виска до самой смерти Виктора был для меня немым укором.

Ранее в такой ситуации погиб мой дядя, брат мамы, Николай – выходил из кинотеатра и ему случайно попал в висок

маленький камушек, брошенный кем-то или выстрелянный из рогатки мальчишками, поэтому найденные у меня рогатки всегда немедленно уничтожались, и рассказывалась эта печальная история.

Окончив военное училище и став офицером, Виктор вновь приехал в отпуск в новенькой, небесного цвета парадной форме, со сверкающими золотом погонами, пуговицами, эмблемами, внутри угольников из листьев, почти генеральских, кокардой на фуражке, парадным ремнём с висящим кортиком. Этот бравый вид поразил меня в самое сердце, я гордился братом.

Когда мы шли с ним по городу, все кругом с большим уважением смотрели на молодого офицера, в те годы к военным относились с любовью, так как и ко всей армии.

Прошедшая война ещё хорошо помнилась людям, что не скажешь, к сожалению, о настоящем времени. Многие военнослужащие стесняются военной формы и даже на службу едут в гражданской одежде, чтобы переодеться там.

В своих сочинениях в школе на тему: Кем ты хочешь стать? я всегда писал, что мечтаю, стать офицером по примеру брата, описывал подвиги офицеров в войне, о которых я читал и много слышал из рассказов братьев мамы Константина и Ивана – оба были офицерами и участвовали в Великой Отечественной войне.

*Мой третий класс... (я второй справа во втором ряду),
Шемонаиха.*

Моей первой учительницей была Зоя Назаровна Серикова, всегда спокойная, добрая и рассудительная женщина, в каждом ученике видевшая те качества, которые с её помощью раскрывались и помогали ему успешно постигать школьную программу, расширять кругозор, учиться коллективизму.

Каждый день находила она время для разучивания патриотических песен, которые пели всем классом и они оставляли на всю жизнь глубокий след в памяти. Песни снимали усталость и напряжение от неподвижного сидения за партой, особенно возникающего у меня, привыкшего к свободной и вольной жизни.

В первый год учёбы я с трудом выдерживал сидеть неподвижно весь урок, постоянно поднимал руку и просился в туалет, и она по-настоящему отпускала меня, в туалет, конечно, я не шёл, а наслаждался полученной свободой до звучавшего звонка колокольчика на перемену, радуясь своей хитрости.

Сейчас стыдно представить, что она думала обо мне тогда, но со временем я привык к неподвижному сидению и прилежно занимался на уроках.

В отличниках не был из-за того, что дома почти не сидел над домашними заданиями, проверять меня было некому, родители всегда были на работе, а старшим братьям было не до меня, поэтому был всегда твёрдым хорошистом.

Только по рисованию из года в год получал всегда отличные оценки, талант к рисованию проявился с раннего детства, наблюдал, как рисует старший брат Володя, учившийся в художественном училище, но впоследствии выбравшем профессию военного, поступив и окончив Дальневосточное Танковое Училище.

В средней школе я посещал кружок рисования, руководитель которого Александр Гаврилович, тёзка моего отца, прочил мне большое будущее на этом поприще.

А мне в то время больше хотелось гонять на коньках дутышах или стремительно спускаться с близлежащих гор на лыжах, играть в хоккей самодельными клюшками на замёрзшей наледи речки Шемонаихи, поэтому занятия в кружке часто пропускались, а потом вообще прекратил его посещение.

Позднее, повзрослев, не раз жалел об этом тогда, когда вдруг возникало желание взять кисть, краски и написать какую-нибудь картину, а краски имел всегда и храню до сих пор, но из-за постоянных забот и текущих дел, так и не исполнил это желание, откладывая его на будущее.

Спортом в школьные годы занимался всегда. Особенно после перевода в среднюю школу им. Н. Островского, которая находилась в центре города и имела большой спортивный зал.

Вначале посещал секции волейбола, баскетбола, лёгкой атлетики и лыжную секцию. Впоследствии стал заниматься только лёгкой атлетикой, гимнастикой, бегом на 100 метров, прыжками в длину, что у меня лучше всего получалось.

Зимой основным видом спорта были лыжи, на них ходили в горы кататься, просто бегали по лыжне, набитой почти до самой горы Мохнатухи. Я постоянно участвовал в лыжных соревнованиях, проходивших между школами, завоёвывая иногда призовые места или грамоты.

Уже в седьмом классе получил Первый юношеский разряд и значок, который гордо носил рядом со значком БГТО (Будь Готов к Труду и Обороне) 1 степени.

Летом много плавал, особенно любил нырять и долго плыть под водой с открытыми глазами, чтобы не врезаться головой в огромные камни (валуны), которых с избытком было в реке. Под камнями ловили руками скользких налимов, рискуя застрять рукой в узкой норе и навсегда остаться

в бурной воде.

Река Уба и гора Мохнатуха... Шемонаиха

Река Уба была широкая и по виду с тихим течением, но когда начинаешь её переплывать, сразу чувствуешь ту невидимую силу, с которой она несёт твоё тело вниз по течению и только с большим трудом достигаешь другого берега далеко от того места, с которого заплывал.

Из последних сил выходишь по скользким камням на берег, что – бы отогреться, лёжа на горячем галечнике и набраться сил для возвращения назад.

Утонуть не боялись, вновь и вновь бросались в воду, со-

ревнуясь между собой, кто большее количество, раз переплывёт на другой берег.

Был случай, когда брат Володя со своим другом Борисом Лаврентьевым, в пятилетнем возрасте меня взяли с собой купаться на речку. Купалка находилась ниже мельницы в омуте с огромными камнями на берегу, никто не заметил, как я прыгнул в воду, ещё не умея плавать, меня понесло по течению вниз, не помню, кто меня спас, но хорошо помню те тумачи, которые получил от брата.

Случались и с друзьями несчастные случаи на воде. Любили мы, когда пасли коров, купаться в водопаде на одном из прудов, где высота берегов была около трёх метров, прыгали в бурлящую воду солдатиком, а наиболее отчаянные – вниз головой.

Во время одного из купаний старший брат, моего друга Петьки, Саша прыгнул в воду вниз головой и долго не всплывал. До сих пор не могу понять, как мы с Петькой смогли быстро найти его под водой, вытащить и сделать искусственное дыхание, о котором знал от братьев, как его надо делать, да и ростом он был в два раза больше каждого из нас.

Не чувствуя своих ног, так тогда стремительно бежал я до самой больницы, чтобы вызвать скорую помощь, телефона не было. Сашу Устюжанина спасли, у него был перелом позвоночника, но на всю жизнь остался инвалидом и рано ушёл из жизни.

Были и приятные моменты, с началом школьной жизни ко

мне пришло первое смутное и волнующее чувство, которое все называют любовью.

Посадили меня за одну парту с Шурой Ищенко, красивой девочкой с пухлыми румяными щёчками, всегда чисто и опрятно одетой. Её банты в толстых косичках, ажурный воротничок и фартук были ослепительно белыми, казалось, что таких больше ни у кого нет.

Непоседливый в жизни – здесь я сидел смирно, боясь нечаянно прикоснуться к ней во время урока. Она училась отлично, и было стыдно, если мне ставили тройку или делали замечание.

После школы мне нетерпимо хотелось вновь увидеть её и быть рядом. Так я стал заниматься в художественной самодеятельности класса, оставаясь после уроков разучивать пьески, а иногда собирались в доме у одноклассницы Люды Вербицкой, где девочки учили нас танцевать.

Шура танцевала хорошо, но когда я начинал с ней танцевать, то забывал все, чему научился, ноги не слушались меня, а она весело смеялась над этим.

Часто, быстро сделав домашнее задание, я привязывал коньки на валенки сыромятными ремнями и бежал к дому, где жила Шура, чтобы просто быть рядом, катаясь по укатанной дороге, в надежде увидеть её.

Она видела и догадывалась о моих чувствах, но не показывала виду, как бы ни замечая меня. Так продолжалось до тех пор, пока мы учились в начальной школе вместе.

Позднее у неё умер отец, и они переехали жить куда-то на Чёрное море. Со временем мои чувства потихоньку остыли.

Годы учёбы пролетали быстро, хотя и были моменты, когда казалось, что учёба никогда не закончится, и хотелось бросить её.

Как-то мой товарищ Володя Винк рассказал, что сразу после седьмого класса поедет поступать учиться на машиниста электровоза в училище г. Джебказган и я тоже загорелся этой идеей, да и лёгкие условия для поступления, короткий срок обучения, быстрая возможность вступить в самостоятельную жизнь завершили все мои сомнения.

Мы серьёзно стали готовиться к отъезду, решив убежать из дома, если родители не отпустят. Но в это время в отпуск приехал мой брат Юрий, работавший машинистом тепловоза на далёкой станции Сары – Шаган у озера Балхаш.

Узнав о моих планах, он устроил мне хорошую взбучку и рассказал, что там готовят машинистов электровозов для работы в шахтах по вывозу медной руды.

Перспектива стать шахтёром, да ещё работать под землёй мне, привыкшему к вольной жизни, сразу показалась неприемлемой, и я твёрдо решил окончить среднюю школу и поступить в институт.

Наш седьмой класс... (я второй справа в первом ряду)

Странно, чем я становился старше, тем туманнее становилась мечта стать офицером, да и все сверстники чаще вели разговоры о мирных профессиях и высшем образовании.

В своих мечтах я представлял себя то лётчиком гражданской авиации, то инженером. Впервые я увидел самолёт в восемь лет, это был кукурузник, опрыскивающий поля химикатами, который садился прямо на поле.

Мы, бросив коров, бегали смотреть на самолёт как на диковинку, хотя на всех рисунках про войну я обязательно рисовал самолёты. Настоящий лётный шлем, очки и планшет

видел я только в доме Сергея Михайловского, учившегося со мной – отец его, бывший лётчик, привёз их с войны.

Как тогда хотелось заглянуть внутрь самолёта, а ещё больше тянуло подняться в небо и пролететь над землёй, посмотреть на неё сверху, но близко к нему не допускали, и оставалось только об этом мечтать.

Когда играли в войну, всегда был командиром. Как то само собой получалось, что все игры, походы на рыбалку, за ягодами, за первыми подснежниками или ярко-оранжевыми цветами «Жаркими», за диким луком «Слезуном» в горах или щавелём на лугах, организовывал я.

На весенних каникулах стало традицией ходить на гору Мохнатуха. Поднимались на вершину, с которой обозревали город и окрестности, или просто катались на задницах по рыхлому оставшемуся снегу в горной лощине, помня о рассказах старших, что здесь погиб мальчик, сорвавшись со скалы – это нам казалось героизмом!

Одной из традиций было каждую весну проводить, чуть ли не настоящие войны, между городскими и оторвановскими (п. Оторвановка) мальчишками на сопках в пойме речки Поперечки.

Сначала это были просто игры в войну, переходившие в кулачные потасовки, которые из года в год переросли в настоящий конфликт, вовлекающий все новых и новых людей.

Как-то незаметно в битвах стали применять и огнестрельное самодельное оружие (поджиг). Я, как командир город-

ских, выделялся среди своих тем, что носил кожаную португую (подаренную братом) и двуствольный пистолет (поджиг), который я отлил из алюминия.

Это обязывало меня при наступлении быть впереди, а при отступлении бежать последним, сдерживая наступающих выстрелами с коротких остановок. После одной из таких коротких остановок получил попадание камнем в спину, это сразу придало мне такие силы, что оказался впереди отступающих.

Этот камень я вспоминал всегда, когда перед сменой погоды начинала ныть и болеть спина, являясь для меня своеобразным барометром. Уже, находясь на пенсии, впервые сделав в госпитале снимок позвоночника, у меня обнаружили смещение позвонка, боли от которого принимал за ревматизм.

Были и у других ребят травмы, в том числе и огнестрельные, что в дальнейшем, не без участия милиции, остановило эти боевые действия, но не примирило стороны.

Вообще преобладали в детской жизни такие игры, как лапта и городки, чижик и клёк, так как были массовыми, но играли также в кости бабки, на деньги в чику или в пристенок, по монетам били свинцовой битой (чикой), чтобы перевернуть их, поэтому они часто тогда были выгнутые.

Большой популярностью пользовалась лянга – кусочек кожи с пушистым мехом, привязанный к кусочку свинца, как парашютик летал вверх и вниз от ударов ноги под счёт окру-

жающих.

Все это вносило нашу жизнь разнообразие, помогало телу развиваться, что, к сожалению, стало отсутствовать позднее, с появлением телевизоров и, особенно, компьютеров.

Став старше уже больше играл в футбол или в волейбол, мячи были дорогой редкостью и очень береглись мной. В футбол играли прямо на травяном поле за железной дорогой.

Команды комплектовались ребятами, живущими в разных районах города, разного возраста, лишь бы хорошо играли. Часто играли на интерес, победители выигрывали мороженое. Мне мама давала деньги на мороженое и кино только раз в неделю, поэтому рвение в игре было неописуемым.

Ярким моментом в детстве была поездка с мамой во время зимних каникул в гости к старшему брату Михаилу, который жил в п. Сары – Шаган. Это была вторая моя поездка на поезде.

Первая была в трёхлетнем возрасте, когда мы переезжали в Шемонаиху и которую я совсем не помнил, кроме чёрного паровоза с длинной красной трубой.

Здесь же я восхищённо смотрел на мелькавшие за окном вагона бесконечные поля, редкие посёлки и людей, приветливо махающих поезду, а казалось, будто приветствуют меня. Впервые увидел тогда бывшую столицу Казахстана – город Алма-Ату (в переводе Отец Яблок), где мы делали пересадку.

Брат работал машинистом паровоза на станции Сары-Шаган, курсировал постоянно в близлежащий, тогда засекреченный город Приозерск, расположенный на полуострове озера Балхаш. В этом городе жили все, кто обслуживал космодром Байконур.

В выходные дни брат меня брал с собой на зимнюю рыбалку. Я впервые рыбачил зимой и поймал своего первого балхашского окуня, который там без полос – белый.

На первой зимней рыбалке с братом Михаилом... Балхаш

Был я тогда и на первой в своей жизни охоте, которая

разбудила, где-то дремлющее во мне незнакомое чувство – охотничью страсть, которая в последующие годы не давала мне спокойно жить.

Охотились по камышам, вдоль озера, на зайцев и лису, хоть и ничего не убили, но после охоты брат дал мне выстрелить из ружья.

Этот выстрел, как выстрел с крейсера Аврора, на всю жизнь остался в моей памяти. Впоследствии я стрелял много и успешно из различных видов оружия, как во время службы в Армии, так и во время многочисленных охот.

Через год, после окончания пятого класса, но уже с сестрой Людой, я вновь приехал в Сары-Шаган. Лето там очень было жаркое, степь высыхала настолько, что воздух над ней казался струящейся водой, создавая различные миражи.

Единственным спасением было озеро Балхаш, вода в котором прогревалась настолько, что казалась тёплой, как парное молоко. Почти каждый день, взяв с собой удочки, я бежал босиком, несмотря на раскалённую землю, на озеро.

Босиком бегал с детства, обувь не признавал, кожа на ступнях моих ног становилась твёрдой, как подошва и не чувствовала ничего. До трёхлетнего возраста бегал только голышом, как рассказывала мама, всякую одежду немедленно сбрасывал, такая закалка приносила пользу, болезни обходили меня стороной.

Помню случаи, когда выпадал первый снег, я выскакивал из дому и босиком пробегал до конца огорода, а огород был

у нас где-то соток двадцать пять и обратно бежал в дом отогреться

Рыбалка на Балхаше чередовалась с купанием. Моя кожа от постоянного пребывания на солнце становилась почти чёрной. Столько крупной рыбы я не ловил никогда.

На хлебные шарики ловился золотистый сазан, а на червя клевали многочисленные окуни, язи, серебристые лещи и маринка. Ловил со скалы у водокачки, где было глубже.

Я с восторгом наблюдал, как у камышей, высунув желтогубые рты, медленно кружили сазаны, собирая скопившуюся пыльцу. А, однажды, в небольшом заливчике, во время отлива, скопилось столько сазанов, что казалось сотни подводных лодок, рассекают воду своими перископами-плавниками.

Я бросился ловить их руками, но они так резко взмахивали своими пилами на хвостовых плавниках, что рассекали ими кожу на моих ногах. Так и не поймав ничего, я побежал домой за помощью.

На другой день я пришёл с братом, а рыбы там уже не было, но впечатление от этого, осталось у меня на всю жизнь. Рассказывают, что в наши дни, с появлением в озере судака, почти исчез окунь, и мало стало другой мелкой рыбы.

Запомнилась мне и поездка на мотоцикле с братом по бескрайней степи вдоль озера Балхаш. Ехали прямо по степи – дорог там нет. Встречались войлочные юрты и пасущиеся многочисленные верблюды.

В одном месте вспугнули стадо сайгаков, которые подняв облако пыли, стремительно исчезли за горизонтом. Михаил часто охотился на этих антилоп. Я до сих пор храню в своей коллекции, подаренные им лирообразные рога сайгака.

Позднее он ещё подарит мне своё двуствольное ружьё (иж-54), с которым я охотился всегда и бережно храню до сих пор. 4 июня 2012 года – день смерти Табакова Михаила Александровича. Его с нами нет, а память осталась навсегда!

В школьные годы событий происходило много, но запомнились не все. Помню, как принимали меня в пионеры на Совете Дружины в начальных классах и как принимали в Комсомол весной 1961 года.

Это событие было радостным вдвойне, что совпало с праздником всего человечества – первым полётом советского космонавта Юрия Гагарина в Космос. Мы искренно радовались и гордились за нашу страну.

А какая активность проявилась в эти дни по сбору металлолома. Эта акция проводилась каждый год, но без особого энтузиазма среди комсомольцев, а в этот период было собрано столько металлолома, что он лежал горой на спортивной площадке.

Мечтой многих ребят стало в то время желание стать космонавтом, в том числе и меня. В последующем мне посчастливилось встретиться с двумя лётчиками космонавтами. Это с Валентиной Терешковой, посетившей нашу часть в Группе Советских Войск Германии. Она даже поцеловала мою дочь

Ираиду, которая вручила ей букет цветов, сказав при этом:
«Моя лапочка!»

Моя дочь Ираида вручила цветы Валентине Терешковой... ГСВГ

Вторым космонавтом был Алексей Леонов, приехавший в Калининград к своему брату, жившему со мной в одном доме. Вместе мы охотились на уток по берегу Куршского залива.

Из этих встреч я познал главное – они простые советские

люди и на их месте мог быть любой человек, прошедший соответствующую подготовку и имеющий очень хорошее здоровье.

Большое место в период школьных каникул занимали туристические походы. Обычно ходили всем классом в односуточные походы вниз по реке Убе. Ставили палатку, жгли костёр, рыбачили.

Почти всю ночь слушали различные страшные истории, не замечая укусов многочисленных комаров, пели песни и слушали трели соловьёв, редких для тех мест птиц.

Были и многодневные походы, так поход на Рахмановские ключи превратился в туристическую экскурсию, длившуюся более недели. Сначала от Шемонаихи ехали до посёлка Ново-Шульба, в котором посетили звероферму.

Я впервые увидел, как выращивают знаменитых соболей, норок и чёрно-бурых лисиц. Далее мы дошли до Уба – Форпоста – посёлка, где впадает река Уба в Иртыш. Сейчас там, после постройки Ново-Шульбинской ГЭС, разлилось море и все оказалось под водой.

После ночёвки у места слияния рек мы, уже на теплоходе, с космическим названием «Ракета», поплыли вверх по течению Иртыша до Усть-Каменогорска, с которым знакомились более суток. Побывали в музеях, в крепости, с которой начиналась летопись этого областного города.

Дальше ехали на автобусе до Катон-Карагая. Здесь запомнилась переправа на пароме через Бухтарминское море. Па-

ром был огромным теплоходом, на верхней палубе которого скопились грузовые и легковые автомобили, а на нижней палубе располагались люди.

Плавание длилось более часа. Я впервые плыл по такому большому искусственному морю, на дне которого находились многочисленные села, затопленные водой.

В Катон-Карагай приехали вечером. Ночевали в деревянной школе. Через много лет я вернулся в родное село, но вспомнить уже не смог ничего. Даже не смог найти свой бывший дом.

С глубоким чувством неудовлетворённости я поехал далее на Рахмановские Ключи. Зимой, после этого похода, меня и ещё нескольких участников, послали делегатами на областной слёт туристов в город Усть-Каменогорск.

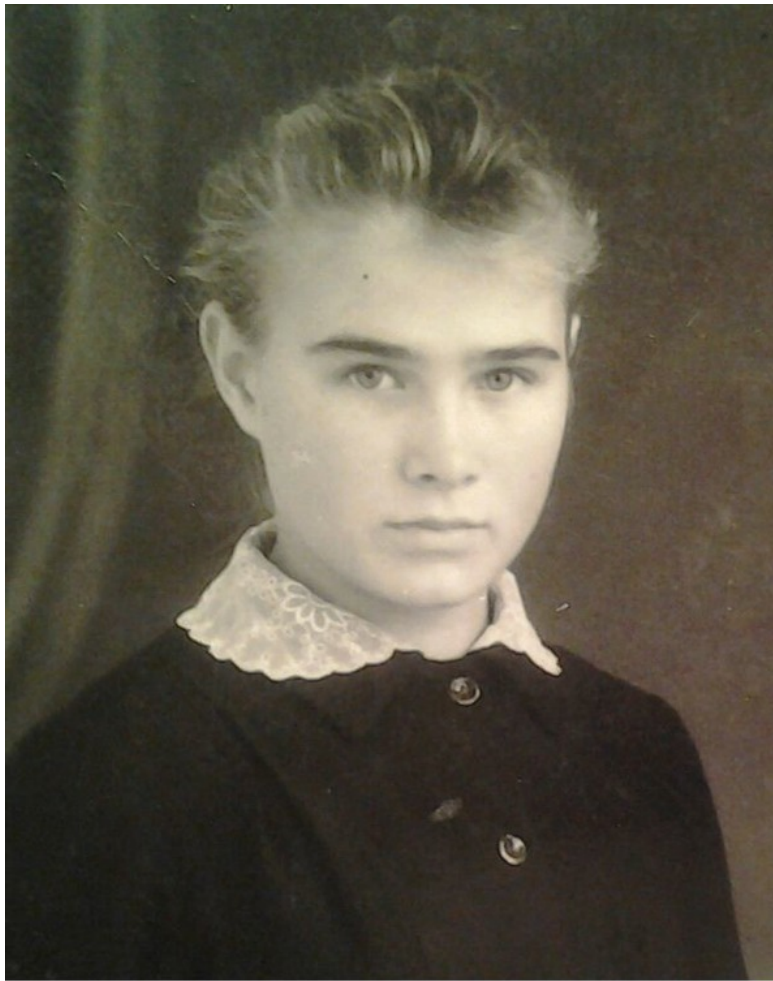
На слёте проводились состязания. Каждая команда на время ставила палатку, потом собирала её и на лыжах совершала кросс, который завершался спуском с очень высокой горы.

Палатку доверили нести мне, и я даже думал, что не справлюсь с этой задачей, так тяжела она была, когда я поднимался в гору, но достигнув вершины и, глянув вниз, я испугался.

Спускаться на лыжах с такой высоты, да ещё с тяжёлой палаткой за плечами мне никогда не приходилось. Но чувство долга перед командой перебороло страх, и я стремительно помчался вниз, почти в самом низу, потеряв равновесие, сел на задницу и так завершил спуск.

Призовых мест мы тогда не завоевали, но наша команда была награждена грамотой. Всех делегатов свозили на экскурсию на конденсаторный завод и на свинцово – цинковый комбинат, где я впервые увидел, как трудится рабочий класс, выпуская продукцию, известную всему миру.

Часто ходил я в однодневные походы с друзьями в Камышинку, где река имела много затонов, по берегам которых росло много щавеля. На зелёных лугах гоняли мяч или играли в волейбол.

Моя школьная любовь Валя Кубышкина... Шемонаиха

Ходили с нами и девчата, в одну из которых, Валю Кубышкину, как-то незаметно для себя, влюбился и чем больше я проявлял к ней интерес, тем меньше она замечала меня и всячески избегала любых встреч.

Это заставляло меня страдать, хотелось видеть её постоянно, страшась даже мысли о поцелуе. Почти каждый день бежал я в клуб, который находился рядом с её домом, в надежде, что она придёт в кино, а если она приходила, то старалась сесть обязательно подальше от меня.

Однажды купил билеты в кино, которые сам не решился передать, а попросил это сделать её младшую сестру Галю. Валя отказалась идти в кино, и мне пришлось смотреть его со своей посредницей.

Очень подружился с её старшей сестрой Любой, которая всячески пыталась помочь мне «навести мосты» к сердцу своей сестрёнки. Так продолжалось несколько лет. Заканчивая девятый класс и потеряв всякую надежду на ответные чувства, я познакомился с другой девушкой.

Однажды, увидев меня с ней, Валя, резко взглянув, убежала. Вечером, узнав от её подруги, что она плакала – решил объясниться с Валей. Утром встретились с ней на Первомайской демонстрации, она была вся в белом, с цветами в руках и, увидев меня счастливо улыбнулась.

Мы вместе шли с ней по улице, и я не мог поверить, что все это наяву, казалось, если что-то скажу, она вновь убежит от меня. Весь день сидели у неё дома на диване и рассматри-

вали фотоальбомы. Счастливее этого Первомая я не помню.

Однако наши встречи продолжались недолго. После окончания 9 класса я, вместе с родителями, готовился переезжать к новому месту жительства на Северный Кавказ.

Таким я был в 9 классе... 1964 г. Шемонаиха

Сестры Кубышкины подарили мне на память книгу с на-

званием «Дорога уходит в даль», подписав её собственными стихами, строчки которых помню до сих пор:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.